

* * *

У дороги чуть колыхнется
Пожелтевшая трава.
Издалёка песня слышится,
Разобрать нельзя слова.
То прихлынет, ахнет благостно,
То замрет, едва слышна,
Что ты, песня, так не радостна,
Так томительно грустна?
Подпою тебе вполголоса,
Что про что, не знаю сам.
Паутина тоньше волоса
Измоталась по ветрам.
Я далёк ещё от хворости,
Всё моё в моём краю,
Но когда поют от горести,
Я, смеясь, не запою.
За рекой зарница вспыхнула,
Ходит-бродит листвобой.
Песня, песня, ты затихнула,
А я всё живу тобой...

ВЕНЧИК

Перелесок. Птичьи отголоски.
Запах почвы, дождика и смол.
У сквозной, у трепетной березки
Кто-то ветки венчиком заплёл.
Я стою, взволнованный, гадая:
Чей же это венчик? для чего?
Девушка ли здешняя какая
Обнимала друга своего?
Плакала, смеялась, целовала,
Слушая признанья паренька.
Неба клочок – вместо одеяла,
Звёздочка – вместо ночника.
Ворковали чуть не до рассвета,
А потом бежали второпях...
И следы растаяли их где-то,
Лишь остался венчик на ветвях.

* * *

Листья в меленькую дрожь,
Капли по лицу.
Ты раскрытая идёшь
За околицу.
Мимо дома своего
Подорожником,
Если нету никого,
То хоть с дождиком.
Дождик, дождичек... А что?
Он не бедствие.
Поцелует, но зато
Без последствия.
До речной он доведёт
До забродинки,
На груди твоей найдёт
Две смородинки.
Исцелует их, и сам –
Только росыньки
По траве да по кустам,
Словно слёзыньки.

* * *

Мне, как язычнику какому,
Свои отрадны божества.
Молюсь туману голубому,
Что загустел едва-едва.
Тропе, сбегаящей со склона,
Ветле, склонённой над водой.
Туман, тропа, речное лоно,
Ветла. И я. И козодой.
Я обниму ветлу сырую:
– Прощай, голубушка ветла,
Я никого не обворую
И не убью из-за угла.
И крикнет птица над излучкой.
А может, не козодой?
Но кто же мне перед разлукой
Кричит так жутко над водой?

* * *

Поля и околки всё те же,
Всё тот же бескрайний размах,
Но вот почему-то всё реже
Поют перепелки в хлебах.
А вербой поросшая речка?
А рыбка – занозистый ёрш?
Как раньше, с глухого местечка
Уже на уху не возьмёшь.
А может, мне кажется это?
Но осенью, как ни жалей,
А больше в стихах у поэта,
Чем в небе, летит журавлей.
И рыбка, и та перепёлка,
И в небе журавль... – Ну и что?
Мне скажут: не слишком ли мелко?
(Тьфу, рифма какая!) И то.
Однако из памяти сердца
Не выкинуть горестный вид,
К тому же оградная дверца
Весь вечер скрипит и скрипит.

* * *

Дорога, дорога, дорога,
Снежок опушил провода.
На палец от маковки стога
Хвостатая пала звезда.
Земля моя, жаль вековая,
До крохи моя сторона!
Не знаю, кому и какая,
А мне вот такая дана.
В сосновом убранстве, в сугробах,
С ресницами, полными снов,
Немало она крутолобых
И крепких взрастила сынов.
Далёко до стольного града,
И Русь им отпущена тут,
Они за неё, если надо,
И смертную чашу испьют.
Испьют и полягут, и даже
Им чуб не откинуть с бровей...
Лишь вьюжная стелется пряжа
Под розовый свист снегирей.

* * *

Женщины у баньки веники вязали,
Веники вязали, парочкой низали.
И текла беседа – за словом словечко,
Как ручей под яром – за кольцом колечко.
Вдруг одна со смехом весело сказал:
– Гляньте-ка, какой я веничек связала!
Этот я отдельно где-нибудь повешу.
Вот уже я в баньке мужа-то потешу.
Веничком попарю да за всю обиду
Отхлещу по правде, не подам и виду!
Женщины смеялись. Плыл туман над лугом.
Через мост бежали кони друг за другом.
Серые, гnedые. Гривы на отлёте.
Небеса темнели с краю в позолоте.
Лебеда у баньки реденькая чахла.
И по всей ограде вениками пахло.

* * *

А вышло так: от позднего тепла
Проснулась нерастроченная сила –
Черёмуха за баней расцвела,
Хотя уже и осень наступила.
Неубранный прошёл я огород
И встал у новоявленного чуда.
По лепесткам качается, ползёт
Какой-то жук. Зачем он и откуда?
Стряхну жука я в плети повилик,
Нагну цветы и ласково подую,
И счастлив тем, что осенью на миг
В себе весну почувял молодую.
От запаха я вроде бы как пьян,
И даже песня тайная найдётся,
И только жаль: черёмуха семян
От этого цветенья не дожждётся...